

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	
Остановись! Ты говоришь сам с собой.....	7

Глава 1

Неведомый, непостижимый, неисследимый... ..	19
Совершенный Бог и Совершенный Человек.....	20
Благодать Божия.....	29
Пища духовная. О молитве.....	38
Чудо веры.....	81
О чуде.....	94

Глава 2

Природа святости	113
Как говорят святые.....	114
Дар рассуждения и простота — свойства святости	126
Дар смирения	134
Святость по благодати.....	137
Путь к мученичеству.....	148

Глава 3

О сути монашества	163
О монашеской общине	164
Смысл таинства послушания.....	175
Окаянное мнение	203
Бойтесь неестественности.....	215

Глава 4

Пережигание греха.....	225
Блаженны скорби. О роли духовника	226
О покаянии	262
О борьбе с помыслами.....	296

Глава 5

Отношение к смерти	309
Христос победил смерть.....	310
Помни о смерти и не согрешишь	326

Глава 6

О духовной жизни	347
О культуре духа.....	348
Царствие Божие нудится	357
Что главное, а что второстепенное.....	377
Отношение к телу в христианстве	394
Слово учителям. Истинное учительство.....	412

Глава 7

О верности Отечеству земному и Небесному	421
Почему истина за Россией?.....	422

Послесловие

Наша великая надежда	456
----------------------------	------------

ПРЕДИСЛОВИЕ

ОСТАНОВИСЬ!

ТЫ ГОВОРИШЬ

САМ С СОБОЙ

Что должно быть драгоценного в духовнике? Как человек, прослуживший тридцать один год в священстве, прошедший какой-то вдохновенный, а в последнее время и очень скорбный, тяжёлый опыт, назову несколько направлений, которыми должен провести вас хороший духовник.

Первым проводником я бы назвал Моисея, который выводит израильтян из египетского плена. Святые отцы всегда проводят параллель с духовным миром. Моисей выводил из плена в формате этого мира, но ведь он выводил ещё и из плена духовного. Важная деталь: путь от Египта до Палестины можно было пройти максимум за неделю, а он водит этот народ сорок лет. В этом очень глубокий смысл.

Хороший, трезвый, опытный духовник всегда поведёт длинным путём, чтобы не было духовного скачка на эмоциях. Скакнув на эмоциях, вы обязательно поймаете эмоциональные состояния. Духовник идёт длинным-длинным-длинным путём, чтобы чадо входило в духовное пространство очень постепенно. Софроний (Сахаров) говорил, что он видел на Афоне монахов, которые были в нетварном свете, сами не подозревая того.

И поясняет природу этого явления: они шли очень постепенным путём и настолько плавно, мягко вошли в это состояние, что оно им казалось естественным, не чрезвычайным. Они туда не скакнули, не ворвались, а очень постепенно вошли, даже сами не замечая, где начало, где середина, где конец. Так вот, опытный духовник всегда выбирает долгий, постепенный путь, во-первых, чтобы не было впечатления эмоционального, а, во-вторых, чтобы ещё притупить эмоциональность. Долгий путь предполагает утомление. Духовник всё время притомляет нашу эмоциональность.

Нужно её притомить, потому что мы приходим в православие, в монашество на внешнем сердце. Внешнее сердце — это сердце чувств, эмоций, впечатлений. А то сердце, о котором говорит царь Давид, — сердце глубоко, — похоронено под внешним сердцем. И поэтому у духовника задача — притомить внешнее сердце эмоций, чтобы они улеглись, утихомирились.

Но, если мы эту часть сердца выключаем, человек должен жить чем-то другим. Надо пойти в глубокое сердце, туда, где действительно происходит духовная жизнь. Но наше сердце покрыто коростой, коркой, и, чтобы раскопать глубокое сердце, эту засохшую, затвердевшую почву надо размягчить. Чтобы размягчить почву, её нужно увлажнить. Чем она увлажняется? Слезами. Я ещё страшнее скажу: кровь надо пустить. Слезы и кровь размягчат корку внешнего сердца, а потом хороший духовник начинает её раскапывать, углубляться во внутреннее сердце, туда, где и возможна духовная жизнь.

Так что тем, кто хочет прийти в православие и сугубо в монашество, сразу надо понять, что заскочить сюда и сразу приобрести какие-то впечатления, состояния, восторги не получится. Путь святых отцов один и тот же: долгий, постепенный. Царствие Божие нудится.

Более того, чтобы войти во внутреннее сердце после размягчения слезами, потом и кровью корки внешнего сердца, его ещё надо расковыривать. Вы представляете, каково это, ковырять живое окаменевшее сердце? Да, оно уже размягчённое, но всё равно это большая боль. И поэтому, если ты приходишь к духовнику и хочешь от него получить не лицемерную, а настоящую духовную жизнь, должен понять, чего это тебе будет стоить. Человек, когда приходит в спорт больших достижений, что должен понять? Что ему придётся на тренировках умирать. Он приходит в искусство. Сколько надо будет сидеть за инструментом? Он должен будет умирать за ним. Приходит в науку. Даже есть такое выражение — «грызть гранит науки», чтобы достичь результата. А если духовная жизнь, Иисусова молитва, называется искусством из искусств, наукой из наук, то, представляете, сколько здесь нужно отдать, чтобы получить не лицемерное, не внешнее?!

Долгий путь. И в этом пути много испытаний, скорбей, слёз, боли, труда, но ты должен идти. По поводу печали сразу делаю такую сноску: люди, совершенно не понимающие монашеской жизни, возмущаются: «Это какое-то сектантство! Какой-то ужас! Садомазохизм! Он призывает их издеваться над самими собой!» Ладно, если так говорят внешние люди, но церковным я хочу сказать: перечитайте святых отцов. Вы их, что, не читали? Путь святых отцов один и тот же. Это путь Моисея, выводящего Израиль из египетского плена. Другого пути не было: пот, кровь, труд, тягота, послушание. Идёшь за путеводителем и не встречаешь со своими мнениями: «Давайте здесь срежем, здесь повернём». Как только у тебя начались с ним разногласия, всё, вы пошли в разные стороны, и ты заблудился. Господи, помилуй!

Ещё раз повторяю: постепенность. Второе — труд, боль, терпение не ради насильования самого себя. Просто надо понять, что нужно притомить внешнее, эмоциональное сердце почти до смерти, потом расковырять оболочку зачерствевшего от греха сердца, смягчить его потом, слезами, кровью, а затем раскопать и углубляться во внутреннее сердце, в котором и есть настоящая духовная жизнь.

Как миновать состояния иллюзий, в которые мы начинаем верить? Господь в Евангелии говорит фразу, определяющую весь смысл духовной подвижнической жизни: «Хочешь быть Моим учеником? Бери крест» (Мф. 16: 24). Не ложку, а крест. Нет другого пути. Если ты хочешь быть молитвенником нелицемерным, Господь поведёт тебя путём в сторону отчаяния. И хороший духовник поведёт в точку отчаяния, но не перейдёт её. Я спрашиваю: «Господи, где Тебя искать?» И Он отвечает: «На краю ада. Я там». Ни в какой другой точке. Ни в веселье, ни в радовании, ни в духовном отдыхе.

Господи, где Тебя искать? На краю ада. Об этом говорят и Силуан Афонский, и Софроний (Сахаров). Почему такое жестокое условие, и почему Он ждёт нас именно там? Подходя к точке ада, или, по-другому можно сказать, — к точке Креста, на котором напряжение духовное такой силы, что даже Бог закричал: «Или, Или, лама савахфани?» — что же должен закричать человек? Он просто должен завизжать. Чем ценна эта точка, и почему её нельзя миновать в духовной жизни? Потому что в точке Креста, в точке на грани ада, выжигаются все эмоции, рассыпаются все иллюзии, и остаётся только объективность. Всё, что ты себе родил эмоционально, не выдерживает этой точки. Это опыт святых отцов.

Может быть, говорю гордую вещь, но я благодарю Бога, что это отчасти сегодня и мой опыт. Только в этой

точке ада рассыпаются иллюзии. Они не выдерживают этого напряжения. Душевность не живёт в этой среде. Эта среда для неё неудобоварима. Не способны эмоции жить в среде крайнего напряжения и великого, почти геенского огня. Ты подходишь к точке ада, и оттуда на тебя такая температура! Вспомним, как повышается марка золота. Что портит его? Сопутствующие примеси. Поэтому, чтобы повысить марку золота, его пережигают. И все эти примеси выжигаются, остаётся чистое золото. Это очень хорошая аналогия с духовной жизнью.

Святые отцы подходили сами и вели своих учеников через эту точку Креста, ада. В ней рассыпаются все иллюзии, все эмоции, вся душевность. И рассыпается тот Бог, которого ты себе выдумал. Рассыпаются диалоги, которые у тебя якобы были с Господом и Богородицей. В этой точке всё рассыпается. Остаётся только правда, и начинается другой ад. Потому что иллюзии тебя очень сильно тешили, были твоей драгоценностью, твоим духовным приобретением, которому ты радовался, который считал своим не только интеллектуальным, а якобы бытийным опытом. У тебя уже отношения с Богом, с Богородицей, со святыми, ты уже переживаешь какие-то духовные состояния, и вдруг в этой точке ты теряешь всё и остаёшься просто голым. У тебя ничего нет.

И только этого голого понемножку начинает одевать нетварным светом благодать Божия. Вспомните опыт старца Ефрема Аризонского, который спросил старца Иосифа: «А я где?» — «А ты ещё нигде. Ты не покайся». Ведь это он спросил не в первый день приезда к отцу Иосифу. Он уже жил с ним какое-то время, уже подвизался, молился, и старец Иосиф уже его вёл каким-то путём. Так, оказывается, старец Иосиф вёл его из минуса к нулю, а за нулём только начинался плюс.

«Ты ещё не покаялся, как покаешься, только тогда начнётся духовная жизнь», — так старец сказал. Он до этой точки нуля вёл его к состоянию покаяния, полного разочарования в самом себе. Наверняка, когда Ефрем пришёл к старцу Иосифу, у него уже был какой-то личный опыт молитвы, свой опыт духовных состояний. И с чего мудро начинает старец Иосиф? Он не поддерживает и не стимулирует эти псевдосостояния. Он их начинает разрушать через таинство послушания и доводит послушника до разочарования в самом себе, когда он совершенно перестаёт верить в любые свои состояния, в любые свои приобретённые «драгоценности».

Это бывает жестоко. Это бывает грубо. Это бывает жёстко. Это бывает больно. В книге «Моя жизнь со старцем Иосифом» описано всё без прикрас. И внешним, не церковным людям, кажется, что это жестоко, фанатично, безумно, без любви. Так в этом и был смысл — разрушить весь его духовный багаж, развеять, пережечь и подвести к точке пока только нуля, чтобы всё внешнее, душевное отвалилось, и он остался обнажённым, ничем не оформленным. И он сам начинает переживать свою обнажённость: «Всё, я ноль. Меня подвели к точке ноля, и, слава Богу, я увидел, что я ноль». Разочарование в самом себе почти на точке отчаяния.

Можно помягче? Можно не подходить к этой точке? Нельзя. Не разочаруешься. Если помягче, всё равно в тебе останется вера во всё-таки немножко хорошего, не совсем пропащего себя. Если ты хочешь идти высоко духовно, нельзя не пройти эту точку полного отчаяния и разочарования в самом себе.

Но, чтобы в этой точке ты не впал в глубочайшую депрессию, не рассыпался, не удавился, как Иуда, рядом с тобой стоит старец и держит тебя. Если есть, на кого опереться, — это драгоценность.

Простите за откровенность, в моей жизни было очень много моментов духовного отчаяния, но, в конце концов, приходил Бог. Это духовное отчаяние могло длиться очень долго, когда казалось, что ты даже веру теряешь. На этой точке отчаяния ты можешь твердить Иисусову молитву, обнимать мощи, целовать иконы, причащаться, но ничего не работает. И в этом великая мудрость Божия. Некоторые люди этого не могут понять, пережить опытно, и кто-то даже уходит из Церкви. В этом Бог, чтобы ты понял, что даже Иисусова молитва, даже Причастие не действуют, пока в тебе не родится крайнее смирение. Крайнее смирение — это когда всё, тебя нет.

Ты пробуешь до конца. Подходит отец: «Давай помогу». — «Нет, нет, я ещё сам попробую». Мучаешься, портишь, отец опять подходит: «Давай помогу». — «Нет, нет, я сам». И вот точка крайнего смирения, когда, наконец, гордыня смирилась, и ты сказал: «Я, правда, не могу. Помогите мне! Господи, помоги!» Вот тогда Бог может подойти и помочь. И в это время происходит духовное чудо. Вдруг ты через эту точку отчаяния выходишь в духовное пространство. Даже не через точку, а через отрезок. Ведь иногда бывают целые годы отчаяния, порой бывают невыносимые недели. А бывает отчаяние такой силы, что пяти минут достаточно, иначе ты умрёшь.

В этой точке отчаяния подходит Бог и начинает чудодействовать. И тогда Иисусова молитва, которая у тебя не получалась, начинает оживать, литургия, причастие начинают действовать. В чём таинство этого момента? В чём его глубокий духовный смысл? Какая молитва может быть объективной? Никакая. Потому что всяк человек несовершенен. И всяк человек, насколько бы он праведен и духовен ни был, всё равно субъективен.

В полной мере объективен только Бог, а человек не может быть совершенным. И поэтому ни одна молитва ни одного человека не может быть объективной. Она всё равно отчасти будет приносить туда своё. Какая молитва окончательно объективна?

Мне было так сладко пережить единение с Софронием (Сахаровым) в понимании, что не я молюсь, а молится во мне Бог. Вот за этой крайней точкой разочарования, умирания. Ты уже даже не молишься, и у тебя внутри начинает молиться Бог. Только это объективно, потому что только Он объективен. Всё остальное относительно. Любое твоё духовное решение, любое твоё духовное переживание, насколько бы ты ни был праведен, опытен, всегда будет субъективно в связи с тем, что ты относителен. Только Бог — совершенство. Так вот, единственное духовное правильное решение — это решение Бога, если Он к тебе в этот момент приходит. Как мы читаем: «Царю Небесный, прииди и вселися в ны»? Как — «вселися»? То есть займи место моего «я» во мне. И уже не я живу, а Ты живёшь, Бог молится во мне, Бог решает вопросы мои, Бог даёт ответы, не мой разум, не моё усердие.

Это чудо. Но, чтобы Богу занять твоё место, тебе нужно разочароваться в самом себе, признать свою несостоятельность и наконец-то сказать: «Я уступаю, я не могу, во мне ничего нет». Только за этой точкой начинается объективность, потому что за этой точкой действует Бог. Почему сюда не приходит субъективность? Потому что она не выдерживает смирения.

Вся субъективность на этой точке попадает, рассыпается, и остаётся только правда. «Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся» (Мф. 5: 6). Но мало кто понимает, а где же эта правда, как её обрести, как к ней приблизиться. В эту правду можно зайти

только через собственную «смерть», смерть разочарования в самом себе, смерть отчаяния, когда ты уступаешь Богу своё место. Пока ты молишься, подвизаешься, постишься, решаешь духовные вопросы, Бог стоит и очень деликатно, вежливо наблюдает за твоим театром, изредка подходит и предлагает Себя тебе, но ты пока ещё надеешься на себя и отвечаешь: «Я ещё попробую, потому что у меня что-то получается». Он стоит, горько улыбается, потому что от того, что у тебя сейчас получается, ты получишь потом большую рану. Ещё хуже, когда ты говоришь не «что-то получается», а заявляешь: «Господи, у меня вообще всё получается!» Это уже, конечно, духовная патология, очень серьёзное заболевание.

Все святые отцы шли путём покаяния. Другого пути нет. Как идти путём покаяния? Это не просто говорить «простите, извините». Настоящее духовное покаяние вырывается из глубины души с таким стоном, с такой болью: «Простите меня! Господи, прости меня!» Софроний (Сахаров) говорит: «Я годами плакал, я валялся на полу, я червь, я не человек. У меня было покаяние такой силы, и плач такой силы... Меня вообще нет. Я червь поганный». Вот это покаяние, а не «простите, извините». Это очень легкомысленно. Я даже больше скажу: пошло, потому что это духовный театр.

Ещё одна деталь: ты не видишь Бога. Он неосязаем, невидим. На литургии, когда идёт освящение Даров, священник читает тайные священнические молитвы и перечисляет: «Непостижим, невидим, неосязаем». Всё это он говорит, обращаясь непосредственно к Богу. А как выстроить объективные отношения с Тем, Которого ты не видишь, не слышишь? Это тренируется в отношениях с тем, кого ты видишь, слышишь, обоняешь и осязаешь. С духовником происходит тренировка этих

отношений, практика покорения, уступки, сокрушения своей воли даже перед несовершенной волей духовника, потому что нет на земле ни одного совершенного. Ты практикуешь, переступаешь свою волю, отдаёшь, сокрушаешь её.

Опять же это путь святых отцов. Ну, кто мне может сказать, что святые отцы шли каким-то другим путём? Нет другого пути. Все остальные пути уводят в иллюзию. Они вам что-то дадут? У вас родятся состояния, якобы отношения с Богом, диалоги с Ним, даже ответы с Его стороны. На самом деле это будут патологические состояния, ответы от самого себя, диалоги с самим собой. Это психическое поражение, над которым потом внешние, нецерковные люди смеются. Они выдумали себе Бога и разговаривают с Ним. А на самом деле это всего лишь душевное разгорячение. Отвечает? Отвечает. Чувствует? Чувствует. Советы даёт? Даёт. Сам себе советы даёт.

Действительно, духовные отношения рождались крайне редко, потому что это очень длинный, нудный, некрасивый путь. Хочется переживаний, состояний, ощущений, а их нет. Духовник сознательно их рушит. «Он пришёл, взял мои драгоценности и разрушил. Какой он жестокий!» Да пойми ты, он разрушил иллюзии!

Идёт израильский народ по пустыне, кушать хочет: «Зачем мы за этим Моисеем пошли? Жили бы себе в Египте в рабстве, и у нас была бы реальная пища». Искушаются. Потом воды нет... И так сорок лет. Каков смысл того, что сорок лет их Моисей водил? Чтобы вымерли в духовном смысле все страсти. Не только страсти, но и все выдумки этих духовных состояний, которые якобы стали твоим духовным багажом. На самом деле это камень, который тебя не пускает на небо. Этот псевдодуховный багаж не даёт тебе пойти в духовное

пространство. Ты несёшь это, как тяжёлые чемоданы. Выкинь их! Но расстаться же с этим тяжело...

На исповеди мне говорят: «Меня тяготит, что нет отношений с Богом, нет молитвы, она сухая». Поймите, это правильный путь. Путь разочарования в самом себе, путь выжигания из самого себя всего искусственно созданного. Это путь святых отцов — нудный, длинный, некрасивый.

И, самое главное, помните, что в каждом вашем состоянии якобы богооставленности как раз Бог и есть. Как у Серафима Вырицкого: «От меня это было. Не в радостях. В потерях. В разочарованиях. В сухости. В якобы богооставленности». Вот как раз там Бог вас врачует, спасает и подводит к настоящей драгоценности, не к фальшивке. Все состояния, созданные на внешнем, эмоциональном, чувственном сердце, — это духовные фальшивки. Нужно их разметать, разжечь, расковырять, выкинуть и начать углубляться очень долго, некрасиво, нудно в глубокое-глубокое духовное сердце. Там Бог. Не на внешнем эмоциональном сердце. На внешнем эмоциональном сердце мы сами с собой разговариваем. Мы сами себе, получается, молимся, отвечаем в диалоге. Это всё мы и есть. А верим, что у нас отношения с Богом. Пусть будет хотя бы со спичечную головку, но духовного, чем огромное количество мишуры, дряни всякой, выдумок.

Через сколько лет Иосифа Исихаста во сне взял Бог и поставил в первые шеренги? Не через полгода. Он уже долго был в монашестве, бегал греха, трудился, а потом Господь говорит: «Хочешь быть совершенным воином — иди в первую шеренгу и умри». Так, оказывается, за точкой смерти как раз и начинается духовная жизнь, а до этой точки — игра в неё, фантазия. «Иосиф, ты готов?» — «Да, Господи». Берёт и ставит в первую

шеренгу. Первая шеренга первой и погибает. «Готов такую дать?» — «Готов». — «Иди». Идёт и умирает. Думает, что он входит в точку смерти, а, оказывается, с другой стороны есть выход в духовное пространство, и только там начинается духовная жизнь. До этого была подготовка к покаянию. Только за точкой покаяния начинается духовная жизнь, а до этой точки ещё нужно пройти. Кто-то думает, что духовная жизнь начинается с момента крещения или с момента пострига. Ой-ой, сколько ещё надо пройти! Не пройдя эту точку, никуда не войдёшь. Бесполезно. В иллюзиях так и будешь.

ГЛАВА 1

**НЕВЕДОМЫЙ,
НЕПОСТИЖИМЫЙ,
НЕИССЛЕДИМЫЙ...**

СОВЕРШЕННЫЙ БОГ И СОВЕРШЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Когда-то летом маленькими мальчиками мы ночью лежали на траве и смотрели на звёзды. Смотрели в бесконечность космоса и не могли понять, как может быть бесконечность. Не могли мы понять и другую вещь: а как может быть конечность? Наши детские умы были заняты вопросами, на которые не может ответить ни один академик. Ученые-физики, астрофизики могут говорить какие-то мёртво-научные вещи, но, по большому счету, они сами не способны вместить.

Как может быть бесконечность? Где-то же должен быть конец? А как может быть конец? А что дальше? И тогда мы, лёжа на траве и смотря в бесконечность космоса, поняли, что в мире существуют вопросы, которые человеку невместимы. И для нас этот мир стал гораздо шире и богаче, он перестал быть ограниченным нашим пониманием. Оказывается, за границами нашего понимания есть бесконечность, которую мы не можем вместить. Мы просто останавливаемся перед ней с таким трепетом, благоговением, что аж дух захватывает!

Понтий Пилат задал Христу вопрос: «Что есть истина?» Христос ответил: «Я есть истина» (Ин. 14: 6). Истина — не «что», истина — «Кто». Наша логика ломается. В наших шаблонах истина — это «что». И вдруг истина зовётся «Кто». Царствие Небесное — это не «что», Царствие Небесное — это Христос. Мы входим

в Него в таинстве обожения, чудесным образом наша природа соединяется с природой Христа.

Для нашего ума «кто» — это всегда личность, которая оформлена, ограничена какими-то рамками. Нам обязательно надо представить личность в какой-то форме. Земное тело Христа таково, а Святая Троица не ограничена форматом. Попробуйте ограничить формой Бога, Который создал бесконечность космоса. Какими рамками вы будете это делать? Он выходит за пределы формы. Наша логика просто дребезжит, протестует, ломается, когда пытается Его оформить. Логике нужно отпустить эту неисполнимую задачу и принять Бога непостижимого, неоформленного, неограниченного.

И в то же время, какое чудесное сочетание: Он — Никто в понимании формы, и Он — Кто в понимании личности. Когда человек встаёт перед этой невместимой, грандиозной, выходящей за рамки задач, вот тогда начинается благоговение. Когда человек стоит перед оформленным судьёй, который вот здесь положил заповеди, а здесь плётку, ему всё понятно. Исполнил заповеди — получил пряник, не исполнил — плётку. Но тогда человек не благоговееет, он боится, как бояться все язычники. А когда стоит перед непостижимым Богом, эта невместимость приводит его в трепет. И в то же время это не Бог-идея, это Бог-личность, Святой Человек.

Когда человек стоит перед этой тайной, он поднимается на цыпочки, у него горло перехватывает, и он начинает просто трепетать перед этим грандиозным величием, благоговееет, у него текут слёзы. Всю жизнь ходил, под ноги смотрел на землю, и вдруг раз — а там Бог.

Это и есть природа благоговения. Всё остальное — животный страх. Но в неё нужно войти через открытие Бога о Себе Самом. Не мы вдруг поняли что-то о Боге, а Бог Духом Святым коснулся нас, и у нас всё

перевернулось, дыхание перехватило. И тогда человек забывает всё земное, способен оставить отца и мать, сына и дочь. Не в пренебрежении к этому, а в том, что он настолько пришёл в восторг, что всё остальное забыл. В приоритете ценностей это становится главным. Себя самого забывает: я — ничто, созданный Богом червь, который ползёт по поверхности планеты свой жизненный путь, дополз до какой-то финальной точки, замёрз, сдох, высох, рассыпался, ветер дунул, и всё кончилось.

Чтобы за этой точкой было продолжение, нужно войти в вечность, в природу вечного Бога. Всё остальное на земле не вечно, ограничено временем. Время пожирает всё, чего касается. Кроме Бога, потому что Он — творец времени, а не раб его. Он вне закона времени. Время относительно, а Бог вечен.

Бог не ограничен никакой формой. Не может быть ограничен, потому что Он — совершенство. Но Бог нас творит в форме, мы ею определены. Весь этот мир существует, живёт, действует в заданном формате. И, чтобы войти в отношения с этим миром, Господь умалется, входит форму. Печально, что у нас Рождество стало восприниматься только с умилением: младенец, волхвы... Мы перестали высоко, богословски переживать это событие. А ведь оно величайшее: Творец Вселенной вдруг умалется и входит в форму. Она ограничивает Его совершенство и в то же время не ограничивает, потому что Христос — Совершенный Бог и Совершенный Человек. Он не иллюзорно, а фактически наполнил формат этого тела Собой. И в то же время не перестал быть Богом. Господь ради нас творит форму и действует через неё.

Когда мы приехали в Иерусалим снимать фильм, гидом у нас один день был практикующий иудей,

человек другой традиции. Он мне говорит: «Отец Сергий, а вы знаете, как мы Бога переживаем? Бог для нас везде». Я отвечаю: «Вот это ваше «везде», оно как бы и «нигде». Бог, который везде, но не оформлен определённо, совершенно трансцендентен, умирает для меня, потому что я никак не могу войти с ним в контакт».

Когда Господь приходит на землю, Он основывает Церковь в определённом формате. Если бы Он был не оформлен, тяга человека к Богу заставляла бы рождать новых идолов. Ведь когда израильтяне лили золотого тельца, ими двигала жажда Бога. Но незнание Бога заставляло следовать своим ассоциациям. У кого-то они были с тельцом, у кого-то — с Перуном, у кого-то — со стихиями природы. И Бог, чтобы остановить это идолопоклонничество, определяет Себя формой Церкви. И она живет в определённых, заданных границах. И Он наполняет Церковь Таинствами, которые тоже ограничены определённым форматом. Ведь если Бог — совершенно чистый Дух, Он бы мог просто невидимым образом осенить человека, и было бы достаточно. Но Господь выбирает форму тела. Потому что для нас, для оформленных людей, это понятнее.

В XIV веке у святителя, афонского монаха Григория Паламы состоялся спор с учёным мужем Варлаамом, который имел великолепное образование, но не обладал реальным духовным опытом переживания благодати. Варлаам услышал от афонитов, как они творят Иисусову молитву, что они видят нетварный Свет Божий, и начал насмехаться над ними, ёрничать и говорить, что либо это иллюзия Света, либо просто тварный свет, который воспринимается разгорячённой душой монаха. Григорий Палама выходит с Афона и доказывает, что нетварный Свет — это действительно свет Божества. Бог проявляет Себя в форме света. Проявляет

Себя в формате Тела и Крови Христовых на литургии. Он входит в форму Своим содержанием и через неё наполняет Своим содержанием нас. Входит в формат иконы, которая становится не просто изображением Бога, а наполняется благодатью. Для нас иконы — это окно в духовный мир.

Благодать Божия может наполнять и формат слова. Одному оптинскому старцу духовное чадо жаловалось, что не понимает Псалтырь. «Ты читай, читай, в ней не только информация, но и благодать Божия. Также Бог своими энергиями может наполнять имя Своё: Иисусе, Иисусе... Я говорю сейчас это опытно. Потому что, когда человек пытается говорить Иисусову молитву долго, искренне, упорно, со временем он ловит себя на том, что Иисус из формата слова переходит в Саму Личность. Ты уже переживаешь не имя Божие, а Его Самого».

Как мы принимаем причастие? Какой богослов может объяснить это таинство во всей полноте? Он дойдет до кощунства. В какой-то момент замолчит и скажет: «Слушайте, это таинство». Мы наполняемся благодати Божией через таинства Церкви, через молитву. Для святых отцов молитва была таким состоянием.

Праздник Крещения по-другому ещё называется Богоявлением. И это название мне ближе, потому что богословски глубже. Это не просто Крещение Господа. Богоявление говорит о том, что Господь явил Себя человечеству. И опять же внешнее может кого-то остановить и не пустить в глубину: Бог явился во плоти. Для некоторых этим всё и заканчивается.

А я бы хотел пойти немножко глубже, сокровенней, торжественней, величественней. Богоявление — это не просто Бог явил Себя во плоти. Бог явил Себя в Своей

сути. Что это значит? В этот момент Он в очередной раз подчеркивает глубину Своей сути: Бог есть Любовь.

В чём смысл фразы «Бог есть Любовь»? На Богоявление после службы освящают воду, великую агиасму. Для священника и хора существует чин освящения воды, в конце которого есть сноска, как инструкция: «Этой святой водой священник потом кропит всех и всё». В расшифровке «всё» говорится, что он кропит даже сараи, скотину и скаредные места. Господь в Своей любви к человечеству готов смириться и пойти в самые грязные места.

Может быть, кто-то читал житие Порфирия Кавсокаливита. Он приходит в один дом и говорит: «С праздником Богоявления! Я пришел вам всё тут освятить и покропить». И вдруг женщина, открывшая ему дверь, с сарказмом замечает: «Священник, куда ты? Это публичный дом». Тогда отец Порфирий отвечает: «Для Господа нет преград нигде. Мы кропим сегодня всех и всё освящаем. Но не просто бросаем в землю, заранее понимая, что не будет всходов, мы бросаем везде и всё в надежде, что благодать Божия даже на сухой земле даст росток и плод». Он зашёл и покропил всех этих бедных девушек, несмотря ни на что, вопреки всему. Такова суть праздника Богоявления, которую через святого преподобного Порфирия явил Господь.

Обычно православные очень ревностно соблюдают: вот этому можно, а этому нельзя. И вдруг в чинопоследовании великой агиасмы мы читаем: «Всем можно, всё можно». Но это не для того, чтобы люди расслабились и подумали, что можно жить беспутной жизнью, и добрый Бог всех спасёт. Нет, это кощунство. Речь идёт о том, что Господь готов снизойти в самый низ, в самую грязь, не гнушаясь, не брезгуя, взять за руку и потянуть к свету.